

Ашева Аминат Аслановна

ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ЭЛИТАРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИКИ С. РАССАДИНА)

Статья посвящена жанрово-тематическим особенностям публицистического дискурса элитарной языковой личности, в котором ярко проявляется творческое начало. Публицистика газетного обозревателя С. Рассадина свидетельствует о том, что жанровой доминантой элитарной личности становятся аналитическая статья и эссе, а тематической – духовная и нравственная культура. Публицистический дискурс элитарной личности, наполненный историческими и литературно-художественными параллелями, отражает тенденцию к интеллектуализации общения между автором и его читательской аудиторией.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2013/11/3.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (78). С. 17-21. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2013/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

использование образных средств языка); доступность (адекватное восприятие адресатом замысла адресанта); действенность (результативность речи, проявляющаяся в достижении цели и решении задач общения).

Успешность работы по культуре речи, являющейся показателем речевого развития личности, зависит и от решения ряда проблем, к которым относятся преодоление коммуникативной агрессии, коммуникативных неудач и помех, воспитание толерантного речевого общения и другие.

Список литературы

1. Головин Б. Н. Основы культуры речи. М.: Высшая школа, 1988. 320 с.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

SPEECH STANDARDS AS PERSONALITY'S SPEECH DEVELOPMENT INDICATOR

Aref'eva Svetlana Aleksandrovna, Doctor in Pedagogy, Professor
Aref'eva Olesya Viktorovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Mari State University
vikto-arefev@yandex.ru

In the article the content of the notions "speech standards", "language standard" is revealed with the purpose of determining the basic directions of work on speech standards in accordance with their language, ethical, communicative and aesthetical components. Speech standards and stylistics interconnection while forming speech communicative qualities is considered that supposes students' mastering language, communicative, linguistic and culture criticism competences.

Key words and phrases: speech standards; language standard; personality's speech development; speech communicative qualities; Russian language; stylistics.

УДК 8

Филологические науки

Статья посвящена жанрово-тематическим особенностям публицистического дискурса элитарной языковой личности, в котором ярко проявляется творческое начало. Публицистика газетного обозревателя С. Рассадина свидетельствует о том, что жанровой доминантой элитарной личности становятся аналитическая статья и эссе, а тематической – духовная и нравственная культура. Публицистический дискурс элитарной личности, наполненный историческими и литературно-художественными параллелями, отражает тенденцию к интеллектуализации общения между автором и его читательской аудиторией.

Ключевые слова и фразы: жанр; культура; нравственность; публицистика; элитарность; эссе; языковая личность.

Ашева Аминат Аслановна

Адыгейский государственный университет
alla.asheva@mail.ru

ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ЭЛИТАРНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПУБЛИЦИСТИКИ С. РАССАДИНА)©

Одним из наиболее ярких и в то же время социально значимых проявлений элитарной языковой личности следует считать публицистический дискурс, в котором видное место занимают газетные тексты, отражающие творческое начало авторов. Публицистический дискурс элитарной языковой личности вызывает особый интерес потому, что автор – активный участник публичного общения – предстает, с одной стороны, как индивидуальная личность, а с другой – как социальный человек своей эпохи, сохраняющий и ретранслирующий культурно-исторический опыт. Научная ценность публицистического дискурса также состоит в том, что в нем явление элитарности раскрывается не только в вербальном выражении личности, предпочитающей те или иные приемы и языковые средства, но и в выборе жанра и темы публикации, которые свидетельствуют как о профессиональных, так и культурологических особенностях автора.

К заметным фигурам в отечественной публицистике, воплощающим в своей творческой деятельности элитарный тип речевой культуры, без сомнения, можно отнести **Станислава Рассадина** – известного писателя, литературного критика и авторитетного журналиста, долгие годы работавшего обозревателем «Новой газеты». Богатый личностный и профессиональный опыт этого автора нашел отражение в рубрике под названием «Дневник стародума». «Почему стародум? Можно припомнить, что одного из героев фонвизинского «Недоросля» (а о Фонвизине Рассадина написал две книги) звали Стародумом, и был он там, что называется, *alter ego* автора. Если кто-то хочет еще более глубокого подтекста, то скажу так: Стародум и у

Фонвизина, и у Рассадина – человек основательный, имеющий свой взгляд на прошлое, настоящее и, по возможности, на будущее» [8].

Появление авторской колонки в российских газетах в конце прошлого столетия было вызвано объективными факторами. В новых общественно-политических условиях автор как «человек частный» преобладает над «человеком социальным», и поэтому в постсоветской газетной публицистике доминируют не факты, а мнения, демонстрирующие различные способы *интерпретации* одного и того же события и окрашивающие ежедневно меняющуюся картину мира в десятки самых разнообразных цветов. «Свобода, полученная прес-сой, выразилась в тематической открытости, в отсутствии внешней детерминированности оценок, стилевой раскрепощенности. Это привело к авторизации дискурса медиатекста» [6, с. 78].

В современной авторской журналистике представлены разные жанры, причем как аналитической, так и проблемно-очерковой журналистики. Авторское «я» журналиста С. Рассадина нашло отражение не только в эссе (жанре самовыражения, как называют эссе многие исследователи, подчеркивая его главную отличительную черту), но и в аналитических статьях, особенностью которых следует считать рассмотрение явлений настоящего сквозь призму прошлого:

«...Говорим: “Надо дорожить исторической памятью!”. И реализуем призыв, отстаивая названия улиц вроде Коммунистического тупика... Что, увы, говорит не только об упертости очередного Лужкова, являющего ее то в истории с “Речником”, то в пристрастии к монструозному Церетели, но и о добросовестном заблуждении многих. Даже не из поклонников Церетели. Даже не из поклонников Сталина: как же, мол, так? Ведь и это – наша история, наш опыт, каковы бы они ни были. <...>

История, воспринимаемая массами, а не просто заключенная в ученых трудах, всегда так или иначе мифологична. Но нормальному обществу надо жить в одном мифе. И – в своем собственном» (Новая газета. 2010. 18 июня).

Как журналист-аналитик, он устанавливает причины и следствия, проводит в процессе анализа различные параллели, нередко обращаясь не только к отечественной истории, но и классической и современной художественной литературе:

«Мы – страна, где быть неумехой – не позорно. И не опасно. Наоборот! Мастер же штучен, незаметим, оттого независим – по крайней мере имеет возможность быть таковым. <...>

Вот это было великолепно осознано Сталиным, когда – куда там фаворитизму Екатерины, при которой выдвигенцами оказывались Потемкин, Орловы, – возникали руководители истинно нового типа. Сила партийного руководителя не требовала таланта ученого, дарования писателя. Она оказывалась над талантом, над дарованием. Руководящее, решающее слово Гетманова жадно слушали сотни людей, обладающих даром исследования, пения, писания книг, хотя Гетманов не только не умел петь, играть на рояле, но и не умел со вкусом и глубиной понимать произведения науки, поэзии, музыки, живописи... Это – из великого романа Гроссмана “Жизнь и судьба”» (Новая газета. 2007. 26 октября).

Важно заметить, что исследовательские материалы С. Рассадина нередко принимают эссеистический характер. Анализ жанровых особенностей публицистического дискурса этого автора позволяет увидеть его не только как человека частного, но и социального, подвергающегося влиянию своей эпохи. Так, отличительной особенностью журналистики постсоветского периода становится разрушение жанровых границ и – как следствие этого процесса – появление гибридных текстов, совмещающих признаки разных жанровых групп. И аналитическая статья с элементами эссе, характерная для современного публицистического дискурса, является результатом усиления жанровой диффузии.

В то же время многие материалы С. Рассадина написаны в жанре эссе. Эссе считается привилегией современной качественной прессы, и прежде всего литературной журналистики, ориентированной на эссе как главный жанр художественно-публицистического творчества. «Эссеистическая доминанта обнаруживается в работе практически всех ведущих литературных обозревателей нашего времени – независимо от возраста, от идеологических и эстетических пристрастий. <...> Само амплуа литературного колумниста подразумевает эссеистический способ выражения мысли» [5].

Действительно, эссеизация публицистических текстов С. Рассадина во многом обусловлена его личностной и творческой сущностями: это автор, обладающий образно-аналитическим типом мышления и высоко развитой культурно-речевой компетенцией, о чем может свидетельствовать широкий круг источников интертекстуальных связей его публицистических произведений. Автор обращается не только к прозе, но и к поэзии, театральному и песенному искусству.

В силу своих психологических особенностей он имеет внутреннюю предрасположенность к очерковой журналистике. По мнению Л. Г. Кайды, за «эссе берется человек, склонный к рефлексии, всегда сравнивающий свои мысли с мыслями других людей. Он раскручивает и рассматривает со всех сторон интересующий его объект, отыскивая возможность хотя бы приблизиться к истине в своих откровенных размышлениях. В ход идет все, знание собственное и чужое, впечатления, восприятие, ассоциации. История и современность» [3, с. 277].

Смысловая многослойность – характерная черта публицистических текстов С. Рассадина и, конечно, в первую очередь, эссе, где находят отражение эпохи и судьбы людей, где переплетаются философские суждения и обыденность, где прошлое связано с настоящим, а сама мысль, как правило, движется свободно, поскольку тексты этого жанра не имеют ни композиционных, ни стилистических рамок. Наблюдения показывают, что речевая структура текстов эссе, написанных С. Рассадиным, весьма разнообразна: в его материалах содержатся монолог, в том числе и внутренний, прямая речь, несобственно-прямая речь и т.п., что,

следует заметить, органично свойственно эссеистическим жанрам. С. Рассадина широко использует разные типы словесности: воспоминания, философские умозаключения, авторский комментарий и др.:

«Москва... Да осталось ли что-нибудь от Москвы, которую я опрометчиво назвал моей? От того, не поверите, чистого города <...>.

Так осталось ли что-то от настоящей, демократической, радушной Москвы, “большой деревни”, как свысока острили питерцы, не догадываясь, что говорят комплимент? От города Хомякова, Аксаковых, Гиляровского, да хотя бы Фамусова? <...>.

Москвич Герцен, не чуждый московской самоиронии, писал: “... Москвичи плачут о том, что в Рязани голод, а петербуржцы не плачут, потому что они и не подозревают о существовании Рязани”. Писано в николаевскую эпоху, и, конечно, для Питера и питерцев обиды тут нет: речь об известном петербургском периоде русской истории, холодном, бюрократическом, как раз олицетворенном фигурой Николая I» (Новая газета. 2009. 02 сентября).

Учитывая то, что эссе, наряду с аналитическими статьями, содержащими элементы эссе, становится доминантной жанровой формой публицистики Рассадина, позицию этого автора следует обозначить как эссеистическую. В связи с экспансией эссе в разные газетные жанры, повлекшей за собой изменения в традиционных жанровых формах, эссеистическая позиция рассматривается как особая категория, являющаяся важным ориентиром в исследовании публицистических текстов начала XX века, жанровые формы которых активно развиваются в направлении очерковой публицистики.

Если ранее, до начала перестройки, общественная атмосфера не приветствовала появление эссе как формы публичного выступления, то после кардинальных перемен в обществе этот жанр стал весьма популярным и во многих изданиях получил постоянную рубрику. Появление эссе на газетной полосе стало настолько привычным, что «более удивляет не его присутствие в печати, а наоборот – его отсутствие» [2, с. 2].

Эссе, которое не вписывается в какие бы то ни было жанровые стандарты, вполне справедливо считается жанром самовыражения, поскольку всевозможные «лабиринты» мысли пишущего скрепляет индивидуальное-авторское «я». В эссе автор запечатлевает себя как личность, утверждающую гражданскую позицию, выражающую свое мнение, опираясь на собственный опыт, а также опыт других. Именно такой публицистической личностью, не скрывающей своих симпатий и антипатий, охраняющей культурные ценности нации, мы видим С. Рассадина, который предпочитает жанр, не имеющий какой-либо «формулы» написания.

Как раз творческая природа эссе и привлекает автора, который интерпретирует события и факты, исходя из особенностей своего мышления, – не с позиций рационального аналитика, а с точки зрения художника-исследователя. Индивидуальность автора-художника проявляется в различного рода ассоциациях, умозаключениях, аналогиях, образных обобщениях, а также в многочисленном цитировании отечественных и зарубежных писателей:

«...В романе-притче Германа Гессе “Игра в бисер” есть печально-язвительные слова о “фельетонной эпохе”, “эпохе фельетонов”, которая долго предшествовала счастливому возникновению гессевской культурной утопии, гармонической Кастилии. И в вышеупомянутую эпоху, говорит Гессе, понятно, метя в свою, а попадая и в нашу, были в ходу такие биографические эссе, выразительно заявляющие о характере отношений читающей массы с “культовыми” фигурами: “Фридрих Ницше и дамская мода...”. Или “Любимые блюда композитора Россини”. <... >

В одной из моих любимых книг – в “Путешествии с Чарли в поисках Америки” Стейнбека – есть эпизод: толпа американских зевак собирается наслаждаться тем, как разъяренные хамки, расистки кухонного пошиба, непотребно орут, матерно понося черных детишек, под защитой полиции бредущих в “белую” школу. И – почти крик, вырвавшийся у автора. “Они орут, одержимые жаждой крови, похотливо глазят на автомобильную катастрофу”...» (Новая газета. 2008. 23 октября).

Темы публицистических текстов С. Рассадина органично вписываются в предметную основу эссеистической жанровой формы, характерные черты которой – «уникальные ситуации как поле реализации уникальной личности, оставляющей на земле заметный и славный след. Функциональная предназначенность такого текста – дать людям знание о человеке, которое открыло бы новые для них ценности и новые возможности самореализации. Герой эссе – всегда субъект влияния, хотя в жизни он мог им и не быть. Проводник влияния – автор, постигший необычные резервы личности и рискнувший обратить на них внимание всех» [4, с. 132].

Героями произведений С. Рассадина становятся известные деятели литературы и искусства – писатели, поэты, драматурги, музыканты, актеры: Юрий Олеша, Василий Гроссман, Николай Эрдман, Аркадий Райкин, Булат Окуджава, Сергей Юрский и др. Важно заметить, что в текстах этого автора образ личности, способной выступать в качестве «проводника влияния», нередко создается в процессе анализа нравственных и духовных особенностей интеллигенции:

«Примером того, какой мукой в России добывается репутация истинного интеллигента, был Корней Чуковский.

В своей жизни я близко знал нескольких абсолютных русских интеллигентов (включая в абсолют не только высоту духа и мучения совестливости, но и, скажем, нелегко изживаемые иллюзии прекраснотушия). В частности, как раз Корнея Чуковского, он же Николай Васильевич Корнейчуков» (Новая газета. 2009. 14 декабря).

Одна из главных тем, остро волнующих автора под публицистическим именем «Стародум», – писатель и его положение в обществе. Горе, по его мнению, писателю, приближенному к власти или ставшему «властью». Авторскую оценку попавшим в зависимость от власти писателям дает название материала

«Развоплощенные», которое следует понимать как «не осуществившие, не воплотившие свои замыслы». Действительно, блестящий талант Юрия Олеши раскрылся далеко не в полной мере, по всей видимости, по причине нравственного порядка:

«В записной книжке Юрия Олеши за 1934 год есть озадачивающая запись: “Я – советский служащий. Сегодня я решил писать дневник”.

<...> Странно, конечно. Но не сказать, чтобы неожиданно, если вспомнить еще и выступление Олеши на I съезде писателей, когда он нечаянно-исповедально вывернул душу. “...Во мне хватает гордости (гордости, не чего-то иного! – Ст. Р.) сказать, что, несмотря на то что я родился в старом мире, во мне, в моей душе, в моем воображении, в моей жизни, в моих мечтах есть много такого, что ставит меня на один (!) уровень и с рабочим, и с комсомольцем”. Гордость паче унижения. “Грустно, серьезно, со скрытым отчаянием, – время спустя скажет Венеамин Каверин, – Олеши каялся в том, что он – Олеши”» (Новая газета. 2010. 14 июля).

Такие публицисты, как Станислав Рассадин, являются носителями особой миссии, имеющей существенное значение в предметно-тематическом поле СМИ начала третьего тысячелетия. В ходе социально-экономических преобразований привычные для советской журналистики реалии были заменены новыми. «Прежде всего в центре внимания оказались бесчисленные преступления, связанные с приватизацией, перераспределением собственности, падением жизненного уровня огромного числа людей, потерей ценностных ориентиров, нравственной, профессиональной деградацией населения» [7].

Понятие духовности как ценности высшего ранга становится одним из наиболее востребованных в новейших исследованиях разных направлений, поскольку «особый интерес к вечным проблемам возникает в кризисные моменты истории цивилизации и чаще всего инициируется обострением социальной надобности в человеке духовном» [1, с. 4]. Человек духовный, апеллирующий к исторической памяти и культурным традициям, – это, пожалуй, точная характеристика Рассадина-публициста, материалы которого вносят большой вклад в формирование аксиологической парадигмы переходного периода.

Тематическое поле Рассадина тесно связано с нравственными и духовными ценностями, и поэтому другая его рубрика получила название «Культурный слой», актуальность которой весьма красноречиво можно подтвердить вот этой цитатой: *«Иммунитета лишается наша страна! Культурного иммунитета. Нравственного, естественно, тоже. И, в точности, как юмор Дубовицкой и Петросяна, для начала невинно отбирая среди публики только себе подобных, начинает затем перевоспитывать в своем духе и прочих тех, кто был как будто бы поразборчиве... Жаргонная, маргинальная, низкопробная речь, для выражения низкопробности только и годная: “супер”, “клево”, “круто”, “типа того”, “бабло” и “мочилово” плюс “разборки” и “стрелки”...»* (Новая газета. 2005. 11 августа).

К сожалению, в современной российской журналистике культурная тематика представлена эпизодически, причем нередко темами частного плана, и этой «россыпи» частных тем противостоит цельность публицистического творчества, состоящего из материалов, имеющих непреходящее духовно-нравственное значение.

Отмечая ярко выраженную индивидуальность публицистического творчества С. Рассадина, многие пишут о том, что он вовлекал читателя в круг достаточно сложных вопросов, над которыми сам неоднократно задумывался, причем на протяжении всей своей жизни. Одна из самых важных для этого автора тем – менталитет, или ментальность. В сочетании «российская ментальность» это понятие в его осмыслении приобретает отрицательные коннотации, поскольку характеризуется примерно таким образом: страх, несвобода, хлудство, лицемерие. Он также выступал против имитации культуры, считая ее антикультурой, и был категорически против фальшивых словесных «признаний» в любви к своей родине. Так, одна из последних его статей была посвящена изменяющемуся значению слова «патриотизм»:

«Патриотизм отныне означает не то, ради чего жил Пушкин, или в Сибирь декабристы, да хотя бы (даже!) садились в тюрьмы социал-демократы, еще не знающие, во что переродятся. Нечто совсем другое» (Новая газета. 2011. 03 апреля).

Несомненный интерес вызывают размышления Рассадина о времени, которые содержатся не только в «Дневнике стародума», но и в «Книге прощаний: воспоминания о друзьях и не только о них», относящейся к мемуарной прозе. Отталкиваясь от реплики Сергея Юрского *«Это время не мое»*, он затем обращает вопрос к себе: *«А мое ли? И если не мое, то чье?»*. Задумывается – и находит поразительное определение – *«ничейное время»*. *«В брежневское время, – шутит Рассадин, – ходил анекдот, что был “бровеносец” мелким политиком “эпохи Аллы Пугачевой”*. И горько иронизирует: *«вот символический сдвиг: от Анны до Аллы»* (Новая газета. 2001. 13 августа).

Очевидно, что материалы газетного обозревателя С. Рассадина, включающие литературные и исторические параллели, аналогии, отличаются глубиной и масштабностью мысли, и потому они адресованы внимательному и думающему читателю, обладающему необходимыми фоновыми знаниями, которые обеспечивают понимание и восприятие эссеистических текстов.

Список литературы

1. Антропова В. В. Духовно-ценностные смыслы медиасферы и проблема адекватных методов их изучения: точки пересечения с лингвокультурологией // Ценности современного общества и средства массовой информации: материалы международной научно-практической конференции «Журналистика-2011». М.: Факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2012. С. 4-5.
2. Дмитровский А. Л. Жанр эссе. Очерк теории жанра. Орел: ОГУ, 2006. 130 с.

3. **Кайда Л. Г.** Эссе и эссеизация современной газетной публицистики // Язык массовой и межличностной коммуникации. М.: Медиамир, 2007. С. 268-298.
4. **Лазутина Г. В., Распопова С. С.** Жанры журналистского творчества. М.: Аспект-Пресс, 2011. 320 с.
5. **Новиков В. И.** Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения: 05.10.2013).
6. **Сметанина С. И.** Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века). СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. 383 с.
7. **Тертычный А. А.** Состояние и перспективы развития системы жанров российских СМИ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/node/675> (дата обращения: 05.10.2013).
8. **Чайковская И.** Станислав Рассадин. Дневник стародума [Электронный ресурс]. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=648399&soch=1> (дата обращения: 05.10.2013).

GENRE AND THEMATIC PECULIARITIES OF ÉLITE LINGUISTIC PERSONALITY'S PUBLICISTIC DISCOURSE (BY EXAMPLE OF S. RASSADIN'S PUBLICISM)

Asheva Aminat Aslanovna
Adygei State University
alla.asheva@mail.ru

The article is devoted to the genre and thematic peculiarities of the élite linguistic personality's publicistic discourse, which really shows the creative basis. The publicism of newspaper observer S. Rassadin indicates that the analytical article and the essay are becoming the genre dominant of the élite personality, and spiritual and moral culture is becoming a thematic one. Élite personality's publicistic discourse, rich with its historic and literary-artistic parallels, shows the tendency to the intellectualization of communication between the author and his readers.

Key words and phrases: genre; culture; morality; publicism; elitism; essay; linguistic personality.

УДК 37

Педагогические науки

В XX столетии сложились ведущие школы психологов: «старая» европейская школа психологии и школа Ж. Пиаже, которые определяли ход развития европейско-американской системы образования, и известная советская школа психологов Л. Выготского и А. Леонтьева, положения которой легли в основу создания советской образовательной системы. В статье рассмотрены особенности нейрофизиологического развития психики периода юности и воздействия на нее системы образования в этот период.

Ключевые слова и фразы: советская система образования; европейско-американская система образования; психика; психологические школы; самореализация.

Базалук Олег Александрович, д. филос. н., профессор

Переяслав-Хмельницкий государственный педагогический университет имени Г. Сковороды, Украина
bazaluk@ukr.net

ВЛИЯНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В НЕЙРОНАУКАХ И ПСИХОЛОГИИ НА МЕТОДИКУ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАНЯТИЙ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ©

В последние десятилетия много внимания уделяется рассмотрению «преимуществ» и «недостатков» мировых образовательных моделей: европейской, американской, «советской» и т.п. Для России и Украины злободневной проблемой стала необходимость выполнения взятых обязательств по реорганизации «советской» образовательной модели под требования Болонской конвенции.

Но по большому счёту, если не рассматривать политическую составляющую этого вопроса, в основе любой системы образования заложен определённый комплекс знаний из нейронаук и психологии. Чем выше уровень национальных исследований в области нейронаук и психологии, тем качественнее и эффективнее национальная система образования. Этот вопрос исследован нами в монографии «Философия образования в свете новой космологической концепции» [2]. Принципиальное отличие между европейско-американской системой образования, в недрах которой и сформировалась Болонская конвенция, и так называемой «советской» системой образования (которая по-прежнему занимает значительную долю на рынке образовательных услуг в Украине и России) заключается в том, что в основе первой модели заложены результаты исследований «старой» европейской школы психологии и школы Ж. Пиаже, а в основе второй модели положены ключевые положения известной советской школы психологов Л. Выготского и А. Леонтьева. Основная разница между этими двумя психологическими школами (между ними, к слову, есть и много общего) заключается в том, что Ж. Пиаже вместе с предшественниками и последователями утверждал, что психика